

Эдит Кирай

Dr. phil. hab., научный сотрудник, Институт культурологии и истории театра, Австрийская академия наук, Вена, Австрия.
Postgasse 7/4, 1010 Wien. E-mail: edit.kiraly@oeaw.ac.at

Политика и поэтика: нарративы о (центрально-)европейской реке

Дунай — наряду с Галицией и Буковиной — был тем ландшафтом, который в период с 1955 по 1989 г. чаще всего ассоциировался с широко понимаемой (утраченной) австрийской идентичностью, а также с австрийской Центральной Европой. В статье рассмотрены две книги о Дунае, основанные на сочетании географической и исторической перспективы и устанавливающие корреляцию между габсбургской традицией и более широким центрально-европейским пространством. Оба автора лично побывали в тех местах, о которых пишут, но их произведения не сводятся к простым описаниям путешествий или отчетам о поездках. Книга Эрнста Троста «Дунай. Биография реки» была опубликована в 1968 г., спустя несколько лет после выхода в свет исследования о габсбургском наследии «Что осталось от двуглавого орла», где также содержалось описание путешествия по Дунаю. Книгу Клаудио Магриса «Дунай», в свою очередь, можно рассматривать как продолжение диссертации, написанной двадцатью годами ранее («Габсбургский миф в австрийской литературе») и посвященной литературной «жизни после смерти» империи Габсбургов. Если книга Троста несет на себе черты холодной войны, то книга Магриса — продукт новых дискурсов о Центральной Европе, возникших в 1980-е годы. Обе книги не только вписаны в политические дискуссии своего времени, но и практически «изобретают» Дунай как политическую и поэтическую тему. При сравнительном анализе двух книг отправной точкой служат основные положения двух текстов, каждый из которых является базовым дунайским нарративом. Далее в статье рассмотрен вопрос о том, как две дунайские книги структурируют пространства и устанавливают границы; затем — общие вопросы жанровой принадлежности.

Ключевые слова: пространственная семантика, концепции Центральной Европы, поэтика постмодерна, дунайские нарративы

Цитирование: *Кирай Э.* Политика и поэтика: нарративы о (центрально-)европейской реке // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-история, 2022. С. 107–131. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.5.

Как вторая по величине река в Европе и водная артерия, пересекающая традиционно очень разнообразную часть континента, Дунай неоднократно рассматривался как символический ландшафт европейских отношений. В период политического раздела континента после Второй мировой войны его географическое положение, роль связующего звена между Западом и Востоком Европы, порождали определенные проблемы. Обе книги, о которых идет речь в статье, были написаны в 1960-х и 1980-х годах соответственно, и если их сравнивать, то возникает вопрос: как за эти двадцать лет изменилось восприятие реки и связанного с ней нарратива? В центре внимания обеих книг есть много схожих моментов.

Эрнст Трост и Клаудио Магрис: две монографии о реке

Хотя обе книги на немецком языке имеют подзаголовок «жизнеописание» или «биография» в качестве общего названия литературного жанра, они в конечном итоге представляют собой травелог — описание путешествия, какие с середины XIX в. издавались в разделе настольных книг и справочников и представляли Дунай как единое целое. Однако эти две книги не только были задуманы как своего рода путеводитель, но и основывались на личном опыте авторов — путешественников по описываемым местам. Тем не менее их произведения — это гораздо больше, чем просто описание мест или путевые заметки. Книги Эрнста Троста (1933–2015) и Клаудио Магриса (род. в 1939 г.) о Дунае зиждутся на переплетении географической и исторической точек зрения. Но связь между историей и географией в каждой из них представлена по-разному.

В обоих случаях интерес авторов проистекает из глубокого знания немецкоязычной культуры (и менее глубокого знания других культур) регионов, расположенных по течению Дуная. Эта «культурная предвзятость» соответствует традиционному взгляду на «Дунайские обозрения»¹ и только недавно была оспорена участниками журналистских и литературных проектов, принимающими иную точку зрения². Среди многих сходных черт обеих книг в первую очередь

¹ Kohl 1854; Heksch 1881; Schweiger-Lerchenfeld 1896.

² См. Graff 1998; Thorpe 2013; Stasiuk 2005.

следует упомянуть связь между темами Дуная и австрийской традицией. Обе книги напоминают о давнем интересе и длительном занятии их авторов Австрией, австрийской историей и литературой.

Эрнст Трост, чья книга «Дунай. Жизнеописание одной реки»³ была опубликована в 1968 г., был внешнеполитическим редактором и обозревателем австрийской газеты *Neue Kronen Zeitung* («Новая газета-крона»), и его интерес к вопросам внешней политики был соответствующим образом выражен. За несколько лет до выхода в свет книги о Дунае он опубликовал свои изыскания о следах Габсбургской монархии под названием «Это осталось от двуглавого орла»⁴. Помимо описаний крупных городов бывшей монархии, книга уже содержала заметки о путешествии по Дунаю. Заголовок очерка «Красный Дунай» менялся в более поздней книге о Дунае и ее различных изданиях в качестве названия главы о словацком Дунае на «Дунай — больше не такой красный» (1968 г.) или «Дунай — такой красный» (1974 г.), в зависимости от развития политической ситуации в странах Восточного блока.

В сборнике речей и эссе, изданном к столетию Первой мировой войны, Трост описал, как развивался его интерес к бывшей Габсбургской монархии и ее сегодняшним следам благодаря дружбе с Фрицем Молденом, основавшим свое издательство и нуждавшимся в книгах и авторах, а также с Хансом Дечантом, главным редактором газеты *Kronenzeitung* («Газета-крона»), который способствовал его путешествиям и очеркам. Уже в эту первую книгу был включен очерк под названием «Красный Дунай» о путешествии по Дунаю от австрийско-чехословацкой границы до Оршовой в Румынии, границы бывшей Габсбургской империи. Его можно датировать примерно концом 1964 или первой половиной 1965 г. В более позднем обзоре начала своей писательской карьеры Трост подчеркивал, что хотел познакомиться с соответствующими артефактами на «личном опыте» и увидеть их «глазами репортера», а не эксперта⁵.

В отличие от Троста, Клаудио Магрис — не журналист, а профессор современной немецкоязычной литературы в Триестском университете. Его роман-эссе 1986 г. «Дунай» (*Danubio*)⁶ можно рассматривать

³ Trost 1968. Далее по тексту ссылки на книгу обозначены логотипом Т плюс номер страницы.

⁴ Trost 1966.

⁵ Trost 2014: 20.

⁶ Magris 1986; Magris 1988; Magris 2016. Далее по тексту ссылки на использованный в статье немецкий перевод обозначены логотипом М плюс номер страницы.

как продолжение его диссертации «Миф о Габсбургах в современной австрийской литературе»⁷, опубликованной 20 годами ранее и посвященной литературному изображению жизни империи Габсбургов. Эту литературно-историческую монографию можно рассматривать как критический анализ мифа, хотя сам «Дунай» представляется его доказательством. Книга также зафиксировала растущий интерес Магриса к эссеистическим и литературным формам произведений⁸.

Книга Эрнста Троста долгое время считалась хрестоматийным произведением в немецкоязычных странах, она издавалась в 1968, 1974 и 1984 гг., а в 1970-х годах некоторые ее сюжеты в сотрудничестве с фотографом издательства *Magnum* Эрихом Лессингом были опубликованы в виде фотоальбома, сопровождавшегося историческим обзором и большим количеством комментариев⁹. Серьезный успех книги Троста, ориентированной на немецкоязычный мир, вряд ли можно сравнить с той скоростью, с которой «Дунай» Магриса вызвал ажиотаж на международном книжном рынке. Будучи впервые опубликованным в 1986 г. в издательстве *Garzanti*, он уже в 1988 г. был переведен на немецкий, французский, сербский, хорватский языки и в 1989 г. на американский и британский английский. Он пережил переводы на более чем 20 языков и многочисленные переиздания, но так никогда и не был преобразован в альбом. В то время когда фотоальбомы с сопроводительными текстами и комментариями уже давно стали основной формой передачи знаний о Дунае, «Дунай» Магриса отстоял свой литературный формат, но тем не менее (а может быть, именно благодаря этому) был многими воспринят положительно и получил продолжение в виде пародий и травести¹⁰. Причина его международного успеха, вероятно, кроется в промежуточном положении между научно-популярной и художественной литературой, а также в таланте Магриса искать и находить комбинации актуальных политических и поэтических тем.

Тем не менее «Дунай» появился тоже не без подготовки. Отрывок из книги впервые был опубликован в 1985 г. в сборнике «В глухом

⁷ Magris 1966.

⁸ См.: Pellegrini 2003: 50, 80.

⁹ Lessing, Trost 1975.

¹⁰ Самая известная: *Esterházy P. A Hahn-Hahn grófnő pillantása*. Budapest: Magvető, 1992. Магрис упоминает еще: *Maggi G. Vipacco. Una risposta a Danubio*. Trieste: L'Asterisco Editore, 1994. Cp.: Magris 1995: 37; Pellegrini 2003: 76.

углу» (*Im Blinden Winkel*) под редакцией Кристофа Рансмайра (род. в 1954 г.). Новости из Центральной Европы появились вместе с текстами австрийских писателей и журналистов, стремившихся не к ностальгическому восхвалению, а к критической оценке монархии. Но если другие австрийские мастера путевых очерков и заметок того времени, такие как Мартин Поллак (род. в 1944 г.), Кристоф Рансмайр и позже Карл-Маркус Гаусс (род. в 1954 г.), исследовали ушедшую и забытую Центральную Европу в основном создавая вымышленные или литературно-художественные путешествия по Галиции и Буковине¹¹, то Магрис после погружения в творчество Йозефа Рота (1894–1939) и, значит, историю Галиции¹², переключился на тему Дуная. В его случае это, кажется, было выбором в пользу не только другой территории, но и речных мифов.

Основные темы

Из топосов и клише, с использованием которых традиционно обсуждалось значение Дуная, важную роль для Эрнста Троста играл «мост между Востоком и Западом» (Т 19). Он вложил актуальную тему, которая проходит через его книгу, в уста представителя компании *Bayerischer Lloyd* в Регенсбурге: «Сегодня Дунай принадлежит Востоку» (Т 102). Соответственно, в центре внимания книги находятся постоянно меняющиеся отношения между Востоком и Западом, отраженные в истории городов и стран русла Дуная¹³. Наряду с расшифровкой былых следов османского владычества и гегемонии Габсбургов, любопытством по поводу повседневной жизни при коммунистах в странах Восточного блока, интерес Троста также привел его к осознанию, что значение реки для Германии недооценено.

Путешествуя по немецкому Дунаю, повсюду чувствуешь, что река в Германии течет не в ту сторону, что великие течения экономической жизни идут по другим осям, притягиваются другими полюсами, что придунайская часть страны несколько спокойнее других областей, немного менее важна и чуть беднее. На Дунае они не добрались

¹¹ Pollack 1985; Ransmayr 1985: 7–12; Gauss 1992.

¹² См. Magris 1971.

¹³ Например, в городском пейзаже Будапешта (Т 330–352) и Нови-Сада (Т 378).

даже до самого молодого статусного символа крупного немецкого города — до клуба Бундеслиги (Т 74).

Сравнение Дуная с «трубой <...>, в которой [в зависимости от всемирно-исторической метеорологической обстановки] народы гонялись друг за другом», часто использовалось в середине XIX в¹⁴. У Троста преимущество в этой гонке было определено на стороне «Востока».

«Дунай» Магриса пронизан совершенно другой (политической) основной темой. Главное различие между Рейном и Дунаем у него соответствует противопоставлению «парадигмы» немецкого национального государства и концепции наднационального государства Габсбургской монархии. В «Дунае» Магрис продолжил основную идею книги «Миф о Габсбургах в современной австрийской литературе», вышедшей двадцатью годами ранее. Помимо государственного мифа, который он изложил в первой книге, во второй он создал ландшафтный миф о разнице между Рейном и Дунаем:

В символическом контексте Дунай часто предстает как нечто противопоставляемое и враждебное «немецкому», это река, на берегах которой встречаются и перемешиваются самые разные народы, совершенно отличная от Рейна, мифического хранителя чистоты германского рода. Дунай — это река Вены, Братиславы, Будапешта, Белграда и Дакии, лента, которая — как море когда-то греческий мир — пронизывала и охватывала габсбургскую Австрию (М 30).

Таким образом, две великие европейские реки превращаются в символы радикально различающихся принципов государственного устройства: Рейн символизирует национальную, Дунай — наднациональную политическую идею.

С одной стороны, это следовало из изменившегося политического контекста 1980-х годов. Идея новой Центральной Европы, или «Дунайской Европы»¹⁵, появилась как политическая идея, которая обещала преодолеть разделение континента и в основном понималась как предложение культурной идентичности¹⁶. С другой стороны, пристрастие Магриса к этой политической идее, по-видимому,

¹⁴ Kohl 1854: 141.

¹⁵ Kühl 1958: 7.

¹⁶ Jaworski 2002: 1; Mommsen 1995: 4; Csáky 2010: 40.

было обосновано его (постмодернистским поэтическим) неприятием бинарных структур мышления — неприятием, которое особенно сильно выразилось в книге о Дунае.

Хотя габсбургские традиции были важны и для Троста, но главным образом они служили ему фоном для контраста с текущей политической ситуацией. Для Магриса, напротив, «занациональная» Ойкумена (М 30) империи Габсбургов, как это называл Йоганнес Урцидиль (1896–1970), заключала в себе возможность заново сформулировать старые представления о Центральной Европе и наделить их утопическими чертами.

Путешествие и местность

Однако для соответствующей интерпретации ситуации вдоль Дуная важны не только явно выраженные утверждения, но и то, как в произведениях описываются разные места и структурируются пространство и местность. При этом следует исходить из своего рода драматургии путевой динамики, приписывающей определяющее значение отдельным местам и в первую очередь воссоздающей дунайский регион или наделяющей его определенным смыслом. Следует также учитывать, какая местность рассматривается, в каком направлении проходит путешествие, какие области, местности, страны связываются в одно целое и каким образом поселения, области, местности, страны устроены или категоризированы.

Тот факт, что Дунай описывается в виде путешествия (реального или воображаемого), можно отнести к старой традиции. В XIX в. все многообразные литературные изображения Дуная содержали по крайней мере одну описательную часть, задуманную как путевые заметки. Многие также включали информацию из различных областей. Авторы справочных изданий о дунайском регионе второй половины XIX в. стремились ознакомить читателей с энциклопедическими знаниями о Дунае, в которых аспекты судоходства, гидротехники, гидрологии, речной биологии и истории были интегрированы в форму литературного произведения о странах и людях¹⁷. В произведениях Троста или Магриса едва ли можно найти что-либо от этого энциклопедического в научном смысле подхода, даже если каждый из них

¹⁷ Kohl 1854, Heksch 1881, Schweiger-Lerchenfeld 1896.

по-своему передает большое количество достойной изучения информации. Вместо этого они в большей степени раскрывают политическое и культурное значение Дуная.

Трост: композиция

В книге Эрнста Троста «Дунай. Жизнеописание одной реки» в центре повествования находится разделение Европы: в первых двух главах противопоставляются друг другу устье и исток реки. В первой главе автор описал советский (ныне украинский) Измаил, город у устья самого северного рукава Килии, вторая же глава посвящена истоку (или истокам). Такая структура, которая идет вразрез с обычной последовательностью, размещает в центре внимания контраст двух «конечных точек», а не как обычно расстояние между началом и концом реки. Таким образом, в отличие от восходящего к XIX в. принципа изложения, Дунай изображен не как связующее звено между Западом и Востоком, а как река, вклинившаяся между Восточной и Западной Европой. Представляя последовательность между истоком и дельтой не в соответствии с *ordo naturalis* (естественным порядком), а «наоборот», Трост указывает на это состояние как на нечто «неестественное». Кроме того, исток и устье изображены не как две точки на Дунае, а как символы двух политических блоков.

Трост: Измаил

Решение выбрать Измаил в качестве конечной точки Дуная само по себе способствует политизации ландшафта. Хотя в справочниках и путеводителях по Дунаю конца XIX в. упоминается Измаил или Измаильский рукав Дуная¹⁸, конечной точкой Дуная считалась все-таки Сулина. В книге Троста, напротив, Измаил оказывается в фокусе внимания как военный плацдарм великой державы. Он удивляет как город, отмеченный сильным военным присутствием и воинственным прошлым. Караульные и сторожевые собаки, сторожевые вышки, патрули и ночной комендантский час задают настроение.

¹⁸ См.: Heksch 1881: 738; Schweiger-Lerchenfeld 1896: 580, 586.

В своем изложении Трост обратился к различным классическим топосам описания города, структуры поселения, истории, этнического состава населения, чтобы, наконец, вернуться к стратегическому значению Дуная и сделать обзор различных империй, воевавших на этой территории за господство над устьем Дуная:

У русских было много предшественников в стремлении к господству в устье Дуная, и в результате претензий на власть отдельных правителей в этой области, где Бессарабия, Добруджа и Бараганские степи затеряны в болотах, тростниковых зарослях, джунглях, прудах и рукавах дельты Дуная, было пролито много крови. Наряду с русскими здесь сражались скифы, геты, готы, фракийцы, персы, македонцы, греки, римляне, болгары, турки, румыны, немцы и австрийцы. Дарий, Александр Македонский, Траян — это лишь немногие из великих исторических полководцев, действовавших здесь со своими войсками до Суворова. Первым, однако, был Ясон, которого с его аргонавтами в доисторические времена преследовали колхи, кавказский народ, и который искал убежища в рукавах Истра, притоках Истра — Дуная (Т 16).

Перечисление названий народов и имен правителей делает их в конечном счете взаимозаменяемыми, различия и особенности их историй сглаживаются, они становятся случайными явлениями, которые в итоге остаются неким придатком, балластом стратегически важной периферии. Такой способ изображения устья Дуная основан на принципах восприятия устья и дельты Дуная, которые уже в конце XIX в. изображались как территория, где никто не живет¹⁹. Завершая перечень историй Ясона, Трост также стирает различия между историческими событиями и вневременным нарративом мифа. Тем самым он доносит идею, что интерес всех этих завоеваний был направлен на страны, расположенные выше по течению Дуная, и, таким образом, подводит (неосознанно) к вопросу (и к главе) об истоках.

Трост: контрасты

Описание Измаила, этого стратегического пункта, за который последние два века сражались две империи, Трост построил главным образом на контрастах. Если собаки в порту лают «по службе»,

¹⁹ См.: Schweiger-Lerchenfeld 1896, S. 918.

то городские собаки, будучи разбуженными этим лаем, делают это «частным образом» (Т 9), если порт характеризуется известной открытостью миру, то, с другой стороны, он является закрытой территорией (Т 9, 18). Контрасты иногда имеют различные нюансы. Мечети стали «сначала православными храмами, а потом складами, развалинами или пустыми площадями» (Т 10), базар превратился в универмаг, из «прежнего смешения народов <...> греков, румын, молдаван, татар, липован и т.д.» образовался «айнтопф²⁰ порядочных советских граждан» (Т 11). Трост дал этой главе политически звучный заголовок: «Товарищ Дунай» (в оригинале *Genossin Dunaj* — ж. род) (Т 9), выдвинув на передний план военное и экономическое разделение Дуная. Очевидно, ни автор, ни издательство не обратили внимания на то, что название реки в русском языке (как во всех славянских и романских языках) мужского рода, и эта грамматическая ошибка так и не была исправлена в более поздних изданиях книги.

Трост: Донауэшинген

Воинствующей конечной точке во второй главе книги противопоставляется городок Донауэшинген²¹, в котором при всей его беспорядочности и мелочности есть что-то подчеркнуто гражданское, даже при упоминании размещенной в нем французской оккупационной армии (Т 26). Описание городка, где берет начало Дунай или, по крайней мере, где сливаются его притоки, начинается без пафоса с описания помойки (Т 19) и иронически резюмирует спор о статусе истока (Т 26), Трост задерживается на разных авторах, которые описали эти источники (Т 22); историческая панорама завершается в Придворной библиотеке князей Фюрстенбергов описанием хоэнемско-лассбергской²² рукописи «Песни о Нибелунгах». Эта на-

²⁰ *Айнтопф* (нем. *Eintopf*) — густой, наваристый мясной суп (*прим. перев.*).

²¹ Глава носит название «Спор об источнике».

²² Рукописная копия «Песни о Нибелунгах», созданная ок. 1220 г., в XV или XVI в., была приобретена одним из графов Хоэнемс. В XIX в. ее купил коллекционер барон Йозеф Лассберг, библиотеку которого в 1853 г. приобрела Придворная библиотека князей Фюрстенбергов. В 2001 г. княжескую библиотеку выкупил Земельный банк Баден-Вюртемберга, с тех пор рукопись хранится в Баденской земельной библиотеке в Карлсруэ (*прим. перев.*).

ходка не только свидетельствует о возрасте и зрелости местной культуры, но и послужила образцом для собственного проекта — «первого поэтического бедекера²³ по Дунаю» (Т 23).

Военная история Измаила отражена в споре об истоках Дуная, который с его «воображаемым стрекотом пишущей машинки» (Т 29) — к вопросу о том, откуда в конечном счете берет начало Дунай, — в общем и целом кажется безобидным. Тросту пафос представляется уместным только тогда, когда речь идет о водоразделе Рейн — Дунай и направлении Дуная — например, у истока Брега.

Смотришь на темный гребень и знаешь, что каждый ручеек впадает в другой океан, что следующий ручей там, на другой стороне, и этот здесь пошли такими же разными путями, как капитализм и коммунизм (Т 28).

Политическое предопределение конечных точек контрастирует с идиллией, невинностью и фрагментарностью местности (Т 28–29).

Трост: «железный занавес»

Противопоставление начала и конца, естественно, достигает апогея в «середине», на австрийско-чехословацкой границе, у «железного занавеса». Девин (словацк.) — Девень (венг.) — Тебен (нем.) всегда был местом перехода, он назывался *Porta Hungarica* (или Хайнбургские Ворота), но у Троста он становится разделяющей пространство границей.

Границы как институты могут быть описаны как технически, так и символически. Современные границы, которые уплотняются в линию, в то же время становятся узнаваемыми благодаря своего рода воображаемому или эмпирическому пространству: в феноменологических исследованиях концепции границы, опубликованных Маркусом Бауэром и Томасом Раном, современной тенденции уплотнять границу до линии или минимизировать противостоит необходимость идентифицировать эту линию через своего рода зону воображения или опыта: «Чтобы быть действенной, линия должна быть занята: в пространстве — ансамблем знаков, ритуалов, образов

²³ *Бедекер* — путеводитель, ставшее нарицательным имя составителя популярных книг этого жанра Карла Бедекера (1801–1859) (*прим. перев.*).

и построек, в голове — различными представлениями и учениями о поведении»²⁴.

В произведении Эрнста Троста «железный занавес» — одна из таких линий, которая, помимо своей технической функции, несет еще и символическую нагрузку. В описании он использует ряд риторических и повествовательных приемов:

На горизонте из дымки появляется замок Пресбурга²⁵ с четырьмя башнями. Пограничный камень на правом берегу отмечает конец того, что обычно называют западным миром. Сторожевая башня, одна из тех лагун на стальных сваях, с помощью которых государство обычно признает, что оно должно охранять своих граждан, выросла теперь и на правом берегу. Чтобы никто не оставался в неведении, что здесь проходит настоящая граница, глубокий разрез, начинается другой континент, хотя Дунай и дальше несет свои воды через Европу (Т 292).

Пограничный переход у Хайнбургских Ворот описывается неоднократно. Сначала минуем пограничный камень: «Пограничный камень на правом берегу отмечает конец того, что обычно называют западным миром» (Т 292). Потом сторожевая башня (Т 292). И наконец, кулинарный аспект: при пересечении границы «шеф» на борту теплохода сыпет в суп самую венгерскую из всех специй²⁶, как будто хочет символическим жестом отпраздновать прохождение *Porta Hungarica* (Т 293). Но повторяется не только пересечение, сила воздействия понятия «граница» подчеркнута еще четырьмя синонимами: «пограничный камень», «конец», «пограничная линия», «разрез». Конечно, нет недостатка и в дополнениях, таких как сторожевые башни, а позже и солдаты. Преодоление этого серьезного разреза интерпретируется здесь как вхождение в другой мир. Помимо внешних обозначений границы, также представлены фундаментальные дискурсивные противоположности, такие как преследования vs. свобода, что символизирует, с одной стороны, западный мир и, с другой — Восточный блок.

При этом умалчиваются различия между странами, не принадлежащими к западному миру. Например, тот факт, что Югославия,

²⁴ Bauer, Rahn (Hrsg.) 1997: 8.

²⁵ Пресбург — немецкое название современной Братиславы до 1918 г., широко употреблялось в русском языке XIX в. (например Пресбургский мир 1805 г.) (*прим. перев.*).

²⁶ Скорее всего, речь о паприке — молотом жгучем красном перце (*прим. перев.*).

которая находилась ниже по течению Дуная, чем Чехословакия и Венгрия, вообще не входила в состав Восточного блока, остается неосвещенным. Всякий раз изображается та или иная инаковость:

Но теперь, когда на носу [теплохода] *Kammegg* поднят сине-бело-красный флаг с красной звездой посередине, частное лицо вновь значит немного больше. Первая остановка на югославской земле, Бездан, предлагает богатый наглядный материал, показывающий, что жизнь при коммунизме, социализме или титоизме маршала Тито лучше, чем в других придунайских странах марксистско-ленинского толка (Т 370)²⁷.

Трост: разделение пространства

Наконец, следует упомянуть еще один «драматургический штрих», а именно то, что отдельные участки пути завершаются панорамами. Это позволяет создать обзор, который помещает увиденное в некий контекст и подкрепляет его информацией. В литературе о путешествиях такие панорамы часто служат жестами прощания или проведения границ. На границе Австрии и Чехословакии в книге Троста речь идет об исторических панорамах. Здесь можно найти полный перечень всех набегов на Австрию, за которым следуют «последние места» Габсбургской империи, такие как замок Орт, где наследный принц Рудольф останавливался перед смертью (Т 278), или Эккартсау, где снималась важная сцена из экранизации романа Йозефа Рота «Марш Радецкого» (Т 279) — бал, на котором известие о смерти Франца Фердинанда произвело эффект разорвавшейся бомбы и превратило упорядоченное празднование в *dance macabre* (пляску смерти) (Т 279).

Самая жуткая сцена неоднозначной телевизионной экранизации романа Йозефа Рота «Марш Радецкого» была снята в Эккартсау — тот самый бал, который прерывается известием об убийстве наследника престола в Сараево и превращается в зловещую пляску смерти империи (Т 279).

²⁷ Ср. главу «Мини-капитализм» (Т 371). Большая на тот момент независимость Румынии от Советского Союза была весьма высоко оценена Тростом, что, принимая во внимание развитие режима Николае Чаушеску (1918–1989) в более позднее время, кажется не совсем правильным.

Упоминается также, что последний Габсбург, император Карл I (1916–1918 гг.), до своего низложения в 1918/1919 гг. был выслан в Эккартсау:

В Австрии началась новая эра; после того как император Карл в ноябре 1918 г. сложил свои полномочия, он и его семья были сосланы в Эккартсау — охотничий замок как последнее пристанище монарха, изгнанного из республики, увеселительный замок как гибельное место, жемчужина архитектуры в стиле барокко как надгробие империи (Т 280).

После Эккартсау в Карнунтуме обсуждается падение Римской империи. «На правом берегу Дуная попадаешь в древнюю погибшую империю иного рода. <...> Здесь можно без визы попасть в Рим» (Т 281 и далее).

Благодаря этим историческим заметкам граница приобретает основополагающий признак местности, выходящей за рамки ее географического и политического значения. Здесь пала Римская империя, здесь остановили турок, здесь расположены места, где в скрижали истории было вписано падение империи Габсбургов.

Трост: «синий» и «красный» Дунай

Использование Тростом относительно клишированного цветового кода вносит вклад в разделение мира по Дунаю на две принципиально разные части. От австрийско-чехословацкой границы река приобретает политическую окраску, отсюда она становится «красной». Это не только подчеркивает разницу между Востоком (красный) и Западом (синий), но сам красный цвет рассматривается как обозначение чего-то навязанного: ведь в традиции дунайского вальса «синий» считается нарочито «естественным» или само собой разумеющимся цветом реки. Однако прямо об этом упоминается только в подготовительной работе к книге о Дунае, в эссе «Красный Дунай» (*Die rote Donau*) в книге «Это осталось от двуглавого орла»: «Корабль пересек границу. Всего в 60 км от Вены Дунай покидает Австрию. Мы в ЧССР, и голубой Дунай до самого устья остается красной рекой»²⁸.

²⁸ Trost 1966: 197.

Разделению Дуная способствуют и различия при описании маршрута путешествия. Ведь о путешествии по Дунаю до Вены обычно рассказывается без указания транспортных средств, в Вене же путешественник поднимается на борт корабля. Отсюда в книге прослеживается плавание теплохода *Kammegg* весной 1968 г. (Т 14, 352, 419, 467) из Вены до Измаила и обратно. Хотя субъектом путешествия здесь тоже является «некто», на первый план от Вены и тем более от австрийско-словацкой границы выходит судно со своими матросами и коком. Отныне стук двигателей, прибытие и отход корабля, экваториальный обряд посвящения моряков у Железных Ворот (Т 414), а также проверки и все прочее, что является частью повседневной жизни дунайского буксира, оказывается предметом описания: это относится даже к виду с борта судна, направляющегося в чужой мир.

Трост: история и география

В основе описания современности лежит неоднозначный, разнонаправленный исторический нарратив. Он сочетает в себе настоящее с прошлым, потому что все на реке — относится к *ars poetica* Троста — имеет исторический масштаб. Переплетение географического и исторического описания Трост разъясняет через образ нити:

Потому что история нанизана на длинную ленту реки — городов и поселков, особняков знати и княжеских родов, полей сражений и полководцев, монастырей и церквей, философов и других представителей аристократии духа, земледельцев и воинов (Т 60).

Тем самым затрагивается старая параллель между рекой и историей, которая приводит непостоянство и изменчивость к общему знаменателю:

Вечный поток Дуная размывает эпохи, омывает века, смешивает армии Тридцатилетней войны с римскими легионами и противопоставляет мастеров монетного двора Марии Терезии немецким новобранцам-пехотинцам. Река останавливает время. История измеряется не годами, а километрами реки. По крайней мере, два тысячелетия являются современностью на Дунае (Т 60).

Соответственно, противоречие между жесткостью политических границ и подвижностью реки становится повторяющейся темой

книги. Сразу же после описания строгой границы между Австрией и Чехословакией говорится: «Дунай игнорирует эти “технические препоны”. Ему не нужна виза» (Т 292), или:

Это означает, что как только замок, который преследует вас на Дунае, как глаза на автопортрете Дюрера, исчезает, как только город тонет в лугах, а портовые сооружения уступают место природе и фабричные трубы исчезают в зелени, Дунай снова становится вне-временным, неподвластным общественным системам, подчиняющимся только законам природы (Т 305).

Даже Измаил, несмотря на всю его военную закрытость: «в конце концов, портовый город» (Т 17). Таким образом, Трост повествует о двух противоречивых историко-политических нарративах по отношению к реке, реке, разделяющей и связывающей одновременно.

Магрис: путешествие vs. блуждания

«Дунай» Магриса отличается от «Дуная» Троста уже по структуре. Автор не всегда следует течению реки, совершает небольшие или более продолжительные вылазки в разных направлениях, в Германии, например, в Мескирх, где родился и отчасти вырос Мартин Хайдеггер (1889–1976), в Австрии в Айзенштадт, в терминологии Магриса, «город Гайдна» (М 252). Еще более удаленный от Дуная экскурс содержится в разделе о Словакии, на этот раз вслед за Францем Кафкой (1883–1924), который провел несколько месяцев в санатории «Матляры» в Татрах (М 275). Первые пять глав раздела о Паннонии посвящены Шопрону, Фертёду и Загребу, затем следуют города на среднем Дунае, и, наконец, великая венгерская равнина и Тиса, «ленивый <...> венгерский <...> Нил» (М 333), не должны отсутствовать на паннонской палитре Дуная. Наиболее далеко Магрис отклоняется от реки в разделе «Баба Анка» — единственной, название которой не содержит никакой топографической информации, а относится исключительно к женщине, этому Цицерону в юбке, которая познакомилась Магриса с, вероятно, наиболее многонациональными регионами нижнего Дуная. Культурные пласты здесь оформляются в некую программу, и это тем более бросается в глаза, что описание путешествия строится преимущественно на традиционных названиях

регионов, а не на названиях стран. Далее следуют «вылазки» (М 345) из Бела-Црквы через города Баната²⁹, через Трансильванию³⁰ и Воеводину³¹, заканчивающиеся прогулкой по сербскому Дунаю³² вплоть до Железных Ворот.

Структура раздела «Баба Анка», как и других частей книги, не следует какой-либо строгой топографической логике, но всегда посвящена жизнеописаниям тех, кто является ключевыми свидетелями дунайского принципа Магриса. Вступлением в мир этого пограничного региона служит, например, биографическая справка о венгерском поэте-авангардисте Роберте Райтере (1899–1989), впоследствии ставшем «патриархом немецкоязычных писателей в Банате» (М 343) под именем Франца Либхарда. Подобному показательному нарушению идентичности на уровне страноведческого описания соответствуют такие метафоры, как «мозаика» (М 347) или «плавильный котел» (М 348). Сюда же относятся ссылки на этнические группы и другие факторы, формирующие идентичность, как, например, религия. Разнообразие этнических групп иногда также определяется количественно, например, «в документальном фильме по телевидению <...> [говорится] о 24 этнических группах Воеводины» (М 347).

В свете этих культурных переплетений и сложностей все вылазки становятся менее прямолинейными, если хотите, более прихотливыми и, в любом случае, менее систематическими. Поэтическое решение в пользу отступлений от маршрута исключительно по Дунаю стилизуется в модель с помощью примеров:

Даже антиквар, который обычно с утомительной педантичностью обходит реку метр за метром, позволяет себе в этом месте отступление и экскурсии, даже совсем покидает Дунай, чтобы пройти, например, через Темешвар, который находится примерно в ста километрах (М 346).

Под антикваром, исследователем прошлого, подразумевается Иоганн Герман Дильхельм (1702–1784), автор книг о реке, чей опус о Дунае был опубликован уже после смерти³³. Он, как и его

²⁹ Бела Црква, Тимишоара, Бечкерек, Вршац.

³⁰ Сибиу, Брашов, Сигишоара, Бистрица с воображаемым видом на Буковину.

³¹ Суботица, Нови-Сад.

³² Белград, Панчево.

³³ *Dielhelm J.* H. Antiquarius des Donaustroms. Frankfurt a. M.: Düren, 1785.

предшественники, путешествовавшие по Дунаю, так же как и баба Анка, восьмидесятилетняя жительница Триеста, судьба которой была связана с Воеводиной, Банатом и Трансильванией, являют собой модель, которая «не нуждается в систематическом порядке, [а] самостоятельно решает, что будет сначала, а что потом» (М 345).

Путешествие, представленное здесь скорее как скитание, становится, таким образом, непосредственно вопросом формы. Однако решение об этом принимает отнюдь не путешественник, оно заранее предопределено — скитание становится формой путешествия, соответствующей Дунаю и региону.

С самых первых страниц книги Магрис дает понять, что путешествие — это больше, чем просто перемена места. Среди переносных значений преобладает аллегория жизненного пути: путешественник размышляет или заставляет задуматься других, стоит ли отождествлять жизнь с путешествием (М 13) или с одиссеей и «конкретным и уникальным опытом индивидуума» (М 14). В разговоре между путешественниками читаем — на этот раз в отношении брака:

Время, проведенное вместе, — это путешествие, которое по мере своего продвижения позволяет непрерывно проходить и заново открывать места и моменты собственной одиссеи (М 171).

Но путешествие также становится метафорой с помощью эстетических категорий. Книга начинается с того, что путешественники приглашают в Венецию на выставку, посвященную теме «Архитектура путешествий: история и утопия постоянных дворов», и, хотя Магрис неизменно иронически выражает свое мнение, иногда он проводит аналогию между путешествием и письмом: «Шаги к дому подобны предложениям на листе бумаги» (М 26). В этом смысле скитание соответствует письму, полному отступлений.

Магрис: композиция и границы

Метафора путешествия как письма предполагает принципиально открытую форму и своей незавершенностью, а также разнородностью и фрагментарностью материала соответствует представлениям постмодернистской эстетики. Однако, несмотря на кажущийся беспорядок, книга Магриса строго «детально разработана». Было отмечено

структурное сходство с «Сентиментальным путешествием» Лоуренса Стерна³⁴.

Раздел о Вене и ее окрестностях, названный *Café Central* («Кафе “Централь”»), начинается с описания кафе, в последней главе раздела автор еще раз возвращается в Вену, и на этот раз говорит обо всем городе: «Этот город — одно большое кафе» (М 253). Такое обрамление, структурированное движение от конкретного к переносному, можно найти как в маленьких, так и в больших частях книги.

В основном структура описания путешествия не следует логике политических единиц, отдельные разделы часто демонстративно пересекают национальные границы, наиболее явно в разделе «Баба Анка». Магрис также подвергает сомнению радикальный характер «железного занавеса». Раздел о Паннонии начинается с названия главы «У врат Азии?» — провокационный вопрос, ответ на который выглядит следующим образом:

Железный занавес, разделяющий по границе между Австрией и Венгрией сферы влияния двух мировых держав, сводит пафос важных и упрощающих метаполитических определений к емким всемирно-историческим островам, вроде высказываний князя Меттерниха, что прямо на Реннвеге, улице, пересекающей Вену, начинаются Балканы, а значит, и Азия. <...> Этот самоотверженный пафос, претендовавший на идеологическую независимость, сам является идеологическим конструктом. Даже посещение кондитерской или книжного магазина в Будапеште опровергает представление о том, что к востоку от Австрии начинаются безликие азиатские глубины (М 283 и далее).

При этом Магрис размышляет не о границе на реке возле Девина, а о Шопроне, небольшом венгерском городе недалеко от австро-венгерской границы, где он может придать историческую глубину вопросу об Австро-Венгерской монархии:

Австро-венгерская солидарность, возможно, существует только сегодня, поскольку империи больше нет, и на основании интеграции Венгрии в Восточный блок, что породило тоску по Центральной Европе и стимулировало такие проекты, как пересмотр австрийских и венгерских школьных учебников и коррекцию националистических взглядов обеих сторон <...> и медиацию общей

³⁴ Pellegrini 2003: 84; Schlüter 2003: 47.

культуры как предпосылки для осознания этой самой культуры (М 287 и далее).

«Железный занавес» здесь также ставится под сомнение самой историей, но Магрис предлагает корректировку существующих взаимоотношений, в том числе в смысле современного центрально-европейского дискурса.

Магрис: культурное разнообразие и жанр

Вместо границ Магриса интересуют культурные различия, фрагментированные и сложные идентичности, которые нельзя просто классифицировать по принципу «или-или». Идентичность является центральным вопросом книги Магриса «Дунай». Если первоначально она обсуждалась в форме многословных рефлексий, то начиная с Вены, Братиславы и Будапешта она все больше и больше перерастает в тему, иллюстрируемую конкретными биографиями. На основе историй жизни литераторов, изменивших имя, язык и жанры.

Венгерский литературовед Миклош Сабольчи: [П]отерял из виду некоего Роберта Райтера или Райтера Роберта³⁵, венгерского поэта-авангардиста, принадлежавшего к наиболее ярким экспериментальным группам. <...> [О]н узнал, что Райтер Роберт еще жив, что он живет в Тимишоаре в Румынии, что теперь он именуется Францем Либхардом и пишет на немецком языке довольно традиционные стихи в форме сонетов и с перекрестными рифмами. Он изменил национальность, имя, язык и литературный стиль; сегодня он почитаем как патриарх немецкоязычных писателей в Банате (М 343).

Вопросы идентичности связаны, конечно, с вопросами жанра. В то время как Трост интересовался классическими темами описания путешествий, такими как пейзажи, города, экономические и этнические условия, дополняя их историческими сведениями и добросовестно распределяя по странам, Магрис неоднократно игнорировал национальные границы, опираясь на другие тексты, биографии и концепции, о которых он размышлял. Хотя его книгу можно читать как повествование о путешествии, ее жанр более сложный,

³⁵ Имеется в виду, что в немецком языке имя предшествует фамилии, а в венгерском — наоборот (*прим. перев.*).

с трудом поддающийся категоризации. Хотя было много дискуссий о том, следует ли считать «Дунай» романом или научной работой³⁶, Магрис, похоже, намеренно двусмысленен в этом вопросе. Нарушение границ жанра (как и пересечение границ стран) является в данном случае собственно целью.

Некоторые итоги

В описаниях Дуная Эрнста Троста и Клаудио Магриса речной ландшафт включен в различные политические нарративы благодаря выбору, расстановке и перспективизации пространственных элементов. В книге Эрнста Троста контрастные описания ландшафта и демонстрация границ позволяют проследить и осмыслить, как он вписывает Дунай в антагонистический нарратив холодной войны, в то время как «Дунай» Клаудио Магриса через описания периодических вылазок, через отступления и игнорирование границ представляет культурные концепции Центральной Европы 1980-х годов как почти пространственно предопределенные.

Перевод с немецкого Т. Лоок

Список исторических географических названий

Девень — ныне Девин в Словакии, немецкой традиции Тебен
 Пресбург (нем.) — ныне Братислава в Словакии, в венгерской традиции Пожонь
 Темешвар — ныне Тимишоара в Румынии

Литература

Магрис 2016 — *Магрис К.* Дунай. М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. 632 с.
 Bauer, Rahn (Hrsg.) 1997 — *Die Grenze. Begriff und Inszenierung / hrsg. von M. Bauer, Th. Rahn.* New York; Berlin: De Gruyter, 1997. 349 s.
 Csáky 2010 — *Csáky M.* Das Gedächtnis der Städte — kulturelle Verflechtungen. Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa. Wien: Böhlau, 2010. 417 s.
 Dielhelm 1785 — *Dielhelm J.H.* Antiquarius des Donaustroms. Frankfurt a. M.: Düren, 1785. 878 s.
 Gauss 1992 — *Gauss K.-M.* Das reiche Land der armen Leute: literarische Wanderungen durch Galizien. Wien: J & W, 1992. 304 s.

³⁶ Pellegrini 2003, S. 50f, 80.

- Graff 1998 — *Graff M.* Donauräume. Stromaufwärts nach Europa / aus dem Französischen von D. Gilcher, H. Leck-Frommknecht, V. Staaß. München: Knesebeck, 1998. 240 s.
- Heksch 1881 — *Heksch A. F.* Die Donau von ihrem Ursprung bis an die Mündung. Eine Schilderung von Land und Leute. Wien: Hartleben, 1881. 238 s.
- Jaworski 1999 — *Jaworski R.* Zentraleuropa — Mitteleuropa — Ostmitteleuropa // MODERNE. Zeitschrift des Spezialforschungsbereichs Moderne — Wien und Zentraleuropa um 1900. 1999. Jg. 2. H. 1 (März). S. 2–4. URL: <http://www.kakanien-revisited.at/beitr/fallstudie/RJaworski1.pdf> (дата обращения: 18.08.2021).
- Kohl 1842 — *Kohl J. G.* Hundert Tage auf Reisen in den österreichischen Staaten. Teil 2. Reise von Linz nach Wien. Dresden; Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 1842. 325 s.
- Kohl 1854 — *Kohl J. G.* Die Donau von ihrem Ursprung bis Pesth. Triest: Österreichischer Lloyd, 1854. 314 s.
- Kühl 1958 — *Kühl J.* Föderationspläne im Donauraum und in Ostmitteleuropa. München: Oldenbourg, 1958. 147 s.
- Lessing, Trost 1975 — *Lessing E., Trost E.* Traumstraße Donau. Wien: Molden 1975. 295 s.
- Magris 1966 — *Magris C.* Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur / aus dem Italienischen von M. von Pászory. Salzburg: Otto Müller, 1966. 255 s.
- Magris 1971 — *Magris C.* Lontano da dove — Joseph Roth et la tradizione ebraico-orientale. Torino: Einaudi, 1971. 317 p.
- Magis 1986 — *Magris C.* Danubio. Milano: Garzanti, 1986. 431 p.
- Magris 1988 — *Magris C.* Donau. Biographie eines Flusses / aus dem Italienischen von H.-G. Held. München: Hanser, 1988. 477 s.
- Magris 1995 — *Magris C.* Donau und Post-Donau / aus dem Italienischen von R. M. Gschwend. Bozen: AER, 1995. 47 s.
- Mommsen 1995 — *Mommsen W.* Die Mitteleuropaidee und Mitteleuropaplanungen im Deutschen Reich vor und während des Ersten Weltkrieges // Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / hrsg. von R. G. Plaschka, H. Haselsteiner, A. Suppan, A. M. Drabek, B. Zaar. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1995. S. 3–24.
- Pellegrini 2003 — *Pellegrini E.* Epica sull'aqua. L'opera letteraria di Claudio Magris. Bergamo: Moretti & Vitali, 2003. 266 p.
- Pollack 1984 — *Pollack M.* Nach Galizien: von Chassiden, Huzulen, Polen und Ruthenen: eine imaginäre Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina. Wien: Brandstätter, 1984. 208 s.
- Ransmayr 1985 — *Ransmayr Ch.* Im blinden Winkel. Nachrichten aus Mitteleuropa. Wien: Brandstätter, 1985. 239 s.

- Schlüter 2003 — *Schlüter G. Claudio Magris homme de lettres // Italienische Erzählliteratur der achtziger und neunziger Jahre. Zeitgenössische Autorinnen und Autoren in Einzelmonographien / hrsg. von F. Balletta, A. Barwig. Frankfurt a. M.: P. Lang, 2003. S. 39–54.*
- Stasiuk 2005 — *Stasiuk A. Unterwegs nach Babadag / aus dem Polnischen von R. Schmidgall. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005. 299 s.*
- Schweiger-Lerchenfeld 1896 — *Schweiger-Lerchenfeld A., Freiherr von. Die Donau als Völkerweg, Schifffahrtsstraße und Reiseroute. Wien: Hartleben, 1896. 945 s.*
- Thorpe 2013 — *Thorpe N. The Danube. A Journey Upriver from the Black Sea to the Black Forest. New Haven: Yale University Press, 2013. 328 p.*
- Trost 1966 — *Trost E. Das Blieb vom Doppeladler: Auf den Spuren der versunkenen Donaumonarchie. Wien; München: Molden, 1966. 399 p.*
- Trost 1968 — *Trost E. Die Donau. Lebenslauf eines Stromes. Wien: Molden, 1968. 499 s.*
- Trost 2014 — *Trost E. Doppeladler-Perspektiven. Geschichten von einer lebenslangen Spurensuche // Kakanische Kontexte. Reden über die Mitte Europas / hrsg. von P. Becher. Salzburg; Wien: Otto Müller, 2014. S. 11–28.*

References

- Bauer, M., Rahn, Th., eds, 1997. *Die Grenze. Begriff und Inszenierung*. New York; Berlin: De Gruyter, 349 p.
- Csáky, M., 2010. *Das Gedächtnis der Städte — kulturelle Verflechtungen. Wien und die urbanen Milieus in Zentraleuropa*. Wien: Böhlau, 417 p.
- Dielhelm, J. H., 1785. *Antiquarius des Donaustroms*. Frankfurt a. M.: Düren, 878 p.
- Gauss, K.-M., 1992. *Das reiche Land der armen Leute: literarische Wanderungen durch Galizien*. Wien: J & W, 304 p.
- Graff, M., 1998. *Donauträume. Stromaufwärts nach Europa*, transl. from French by D. Gilcher, H. Leck-Frommknecht, and V. Staaß. München: Knesebeck, 240 p.
- Heksch, A. F., 1881. *Die Donau von ihrem Ursprung bis an die Mündung. Eine Schilderung von Land und Leute*. Wien: Hartleben, 238 p.
- Jaworski, R., 1999. Zentraleuropa — Mitteleuropa — Ostmitteleuropa. *MODERNE. Zeitschrift des Spezialforschungsbereichs Moderne — Wien und Zentraleuropa um 1900*, 1999, 2, 1 (März), pp. 2–4. URL: <http://www.kakanien-revisited.at/beitr/fallstudie/RJaworski1.pdf> (accessed: 18.08.2021).
- Kohl, J. G., 1842. *Hundert Tage auf Reisen in den österreichischen Staaten, 2, Reise von Linz nach Wien*. Dresden; Leipzig: Arnoldische Buchhandlung, 325 p.
- Kohl, J. G., 1854. *Die Donau von ihrem Ursprung bis Pesth*. Triest: Österreichischer Lloyd, 314 p.
- Kühl, J., 1958. *Föderationspläne im Donaauraum und in Ostmitteleuropa*. München: Oldenbourg, 147 p.

- Lessing, E., Trost, E., 1975. *Traumstraße Donau*. Wien: Molden, 295 p.
- Magris, C., 1966. *Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur*, transl. from Italian by M. von Pásztor. Salzburg: Otto Müller, 255 p.
- Magris, C., 1971. *Lontano da dove — Joseph Roth et la tradizione ebraico-orientale*. Torino: Einaudi, 317 p.
- Magis, C., 1986. *Danubio*. Milano: Garzanti, 431 p.
- Magris, C., 1988. *Donau. Biographie eines Flusses*, transl. from Italian by H.-G. Held. München: Hanser, 477 p.
- Magris, C., 1995. *Donau und Post-Donau*, transl. from Italian by R. M. Gschwend. Bozen: AER, 1995. 47 p.
- Magris, K., 2016. *Dunai* [The Danube]. Moscow: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 632 p. (In Rus.)
- Mommsen, W., 1995. Die Mitteleuropaidee und Mitteleuropaplanungen im Deutschen Reich vor und während des Ersten Weltkrieges. In: Plaschka, R. G., Haselsteiner, H., Suppan, A., Drabek, A. M., Zaar, B. *Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 3–24.
- Pellegrini, E., 2003. *Epica sull'aqua. L'opera letteraria di Claudio Magris*. Bergamo: Moretti & Vitali, 266 p.
- Pollack, M., 1984. *Nach Galizien: von Chassiden, Huzulen, Polen und Ruthenen: eine imaginäre Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina*. Wien: Brandstätter, 208 p.
- Ransmayr, Ch., 1985. *Im blinden Winkel. Nachrichten aus Mitteleuropa*. Wien: Brandstätter, 239 p.
- Schlüter, G., 2003. Claudio Magris *homme de lettres*. In: Balletta, F., Barwig, A., eds. *Italienische Erzählliteratur der achtziger und neunziger Jahre. Zeitgenössische Autorinnen und Autoren in Einzelmonographien*. Frankfurt a. M.: P. Lang, pp. 39–54.
- Stasiuk, A., 2005. *Unterwegs nach Babadag*, transl. from Polish by R. Schmidgall. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 299 p.
- Schweiger-Lerchenfeld, A., Freiherr von, 1896. *Die Donau als Völkerweg, Schifffahrtsstraße und Reiseroute*. Wien: Hartleben, 945 p.
- Thorpe, N., 2013. *The Danube. A Journey Upriver from the Black Sea to the Black Forest*. New Haven: Yale University Press, 328 p.
- Trost, E., *Das Blieb vom Doppeladler: Auf den Spuren der versunkenen Donaumonarchie*. Wien; München: Molden, 399 p.
- Trost, E., 1968. *Die Donau. Lebenslauf eines Stromes*. Wien: Molden, 499 p.
- Trost, E., 2014. Doppeladler-Perspektiven. Geschichten von einer lebenslangen Spurensuche. In: Becher, P., ed. *Kakanische Kontexte. Reden über die Mitte Europas*. Salzburg; Wien: Otto Müller, pp. 11–28.

Edit Király

PhD, Research Fellow, Institute of Culture Studies and Theatre History, Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria. Postgasse 7/4, 1010 Wien. E-mail: edit.kiraly@oeaw.ac.at

Politics and Poetics: Narratives of a (Central-)European River

The Danube, along with Galicia and Bukovina, was the landscape most commonly associated—between 1955 and 1989—with a widely understood lost Austrian identity and with Austrian Central Europe. The article examines two books on the Danube which are based on a combination of geographical and historical perspectives and establishing a correlation between the Habsburg tradition and the wider Central European space. Both authors had personally visited the places they write about, but their works are not reducible to mere travel descriptions or trip reports. Ernst Trost's book *Die Donau. Lebenslauf eines Stromes* was published in 1968, a few years after the Habsburg heritage study *Das Blieb vom Doppeladler*, which also contained a description of the Danube journey. Claudio Magris's book *Danubio* can in turn be seen as a continuation of a dissertation written twenty years earlier (*Der Habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur*) on the literary "afterlife" of the Habsburg Monarchy. If Trost's book bears the hallmarks of the Cold War, Magris's is a product of the new discourses on Central Europe that emerged in the 1980s. Both books are not only embedded in the political discourses of their time, but practically "reinvent" the Danube as a political and poetic theme. In a comparative analysis of the two books, the starting point is the central theme of both texts, each of which is a Danube master-narrative. The paper then considers how the two Danube books structure spaces and set boundaries; then general questions of genre affiliation are treated.

Keywords: spatial semantics, concepts of Central Europe, postmodern poetics, Danube narratives

How to cite: Király, E., 2022. Politika i poetika: narrativy o (tsentral'no-)evropeiskoi reke. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 80–131. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.5.